

Все с чего-то начинается (хотя многие физики и не согласны с этим).

Тем не менее люди с давних пор подозревают, что с началом вещей не все чисто. Они нет-нет да и спросят друг друга: а как водитель снегоуборочной машины добирается до работы? Или где авторы словарей смотрят, как правильно писать слова? Но все равно им никуда не деться от желания отыскать в этой безнадежно запутанной, завязавшейся узлами, потерявшей все начала и концы рыболовной сети пространства-времени такое место, в которое можно было бы ткнуть метафорическим пальцем и сказать, что здесь — именно здесь — находится то место, откуда все пошло.

Можно сказать, что какое-то начало было положено в тот момент, когда Гильдия Убийц приняла в свои ряды господина Чайчая, который смотрел на вещи иначе, чем другие люди, — что, в частности, выражалось в том, что он смотрел на других людей как на вещи. (Как сказал позднее лорд Низз, глава гильдии: «Мы пожалели его, поскольку он в очень раннем возрасте потерял обоих родителей. По размышлению я склонен полагать, что нам стоило уделить этому факту немного больше внимания».)

Терри Пратчетт

Но еще задолго до этого большинство людей успели забыть, что самые древние истории всегда так или иначе связаны с кровью. Потом кровь из них начисто убрали, чтобы сделать их более приемлемыми для детей — или, во всяком случае, для тех взрослых, которым приходилось читать их детям (сами дети, как правило, нисколько не возражают против крови, при условии, что ее пускают тем, кому надо*), — и теперь удивляются, почему эти истории больше не звучат.

А еще раньше был момент, когда нечто, таившееся во тьме самых глубоких пещер и самых сумрачных лесов, вдруг подумало: «Кто они такие, эти существа? Надо за ними понаблюдать...»

А может быть, все началось гораздо, гораздо раньше, когда Плоский мир еще только формировался, плывя через пространство на спинах четырех слонов, стоящих на панцире гигантской черепахи, Великого А'Туина. Может быть, по мере своего движения он, словно слепой в паутине старого дома, все больше запутывался в этих чрезвычайно специфических, тончайших пространственно-временных ниточках, норовящих проникнуть в каждую встреченную историю, растянуть ее, разорвать и сшить по-новому...

...А может быть, и нет. Философ Дидактилос некогда выдвинул альтернативную гипотезу: «Вещи просто случаются, и все тут!»

* Т. е. тем, кто этого заслужил. Или, наоборот, не заслужил. С некоторыми детьми никогда не поймешь, чего они хотят.

САНТА-ХРЯКУС

Старшие волшебники Незримого Университета стояли, глядя на дверь.

Не было никаких сомнений, что тот, кто ее запер, желал, чтобы она и дальше оставалась запертой. Дверь была приколочена к косяку десятками гвоздей. Поперек были прибиты доски. И, наконец, она, по крайней мере до нынешнего утра, пряталась за большим книжным шкафом, которым ее задвинули.

— К тому же, Чудакулли, там была табличка, — заметил декан. — Наверняка ты ее прочитал? Если помнишь, на ней было написано: «Не открывать ни при каких обстоятельствах».

— Естественно, я ее прочитал! — отозвался Чудакулли. — Почему, как вы думаете, мне захотелось открыть эту дверь?

— Э-э... почему же? — спросил профессор современного руносложения.

— Чтобы узнать, почему ее заколотили, разумеется!*

Он сделал знак Модо, университетскому садовнику, также исполнявшему роль гнома-на-все-руки, который стоял рядом с ломиком наперевес.

— Давайте, дружок, приступайте.

— Слушаюсь, сэр! — отсалютовал садовник.

Повысив голос, чтобы его было слышно за скрежетом древесины, Чудакулли продолжал:

* Этот диалог содержит в себе практически все, что необходимо знать о человеческой цивилизации — по крайней мере, о тех ее частях, которые ныне погребены в морской пучине, огорожены высоким забором или еще дымятся.

Терри Пратчетт

— На планах указано, что здесь была ванная комната. Что может быть страшного в ванной комнате, я вас умоляю? Мне *нужна* ванная комната! У меня уже в печенках сидит плескаться вместе со всеми вами. В конце концов, это негигиенично! Можно подхватить какую-нибудь дрянь. Мой отец рассказывал, что, когда много людей моются вместе, рядом всегда шныряет карлик-бородавочник со своим мешком...

— Это что-то наподобие Зубной феи? — саркастически спросил декан.

— Я тут главный, и я хочу иметь собственную ванную, — твердо сказал Чудакулли. — И больше никаких разговоров, понятно? Я хочу, чтобы к Страждеству у меня была ванная комната, все уяснили?

Вот в этом-то и беда с началами: порой, когда имеешь дело с оккультным миром, где отношения со временем сильно отличаются от наших, следствие может явиться несколько раньше причины.

Где-то на самой границе слышимости раздалось тихое «дилиньдилиньдилинь» — словно перезвон крошечных серебряных колокольчиков.

Примерно в то же время, когда аркканцлер разъяснял другим волшебникам, кто тут главный, Сьюзен Сто Гелитская сидела на постели и читала при свече.

Окна затягивались морозными узорами.

Сьюзен любила эти ранние вечера. Уложив детей спать, она оказывалась более или менее предоставлена самой себе. Как это ни смешно, госпожа

САНТА-ХРЯКУС

Гетр боялась давать ей какие-либо указания, хотя она и платила Сьюзен жалованье.

Разумеется, жалованье не имело большого значения для Сьюзен. Важно было то, что она жила Самостоятельной Жизнью и выполняла Настоящую Работу — ведь должность гувернантки действительно предполагала самую настоящую работу. Единственный скользкий момент случился, когда ее нанимательница узнала, что Сьюзен герцогиня: по представлениям госпожи Гетр (которые могли целиком уместиться на нескольких листках, исписанных очень крупным почерком), «сливкам» не полагалось работать. «Сливкам» полагалось сидеть без дела. Сьюзен с трудом удерживала ее от реверансов, когда они встречались в коридоре.

Тени затрепетали, заставив ее повернуть голову.

Пламя свечи струилось горизонтально, словно на сильном ветру.

Сьюзен подняла взгляд: штора, выгнувшись парусом, плясала возле окна, которое...

...с грохотом распахнулось.

Но ветра не было.

По крайней мере, в этом мире.

В ее мозгу формировались образы. Красный шар... Свежий запах снега... Потом они исчезли, и вместо них...

— Зубы? — сказала Сьюзен вслух. — Зубы? Опять?

Она мигнула. Когда ее глаза вновь открылись, окно, как она и предполагала, оказалось наглухо запертым. Штора с притворным спокойствием свисала с карниза. Пламя свечи невинно тянулось вверх.

О нет. Только не это. Неужели она снова, спустя столько времени... А ведь все шло так хорошо!..

— Фьювен?

Терри Пратчетт

Она оглянулась. Дверь ее комнаты была открыта, и на пороге стояла маленькая фигурка, босая, в ночной сорочке. Сюзен вздохнула.

— Да, Твила?

— Фьювен, там в погребке чудовище! Я его боюфь, оно хофет меня фьефть!

Сюзен решительно захлопнула книгу и предупредительно подняла палец:

— Что я тебе говорила насчет попыток строить из себя милую малышку, Твила?

— Ты мне это запретила, — ответила девочка. — Ты сказала, что тех, кто специально шепелявит, надо судить и вешать и что я делаю это только для того, чтобы привлечь к себе внимание.

— Вот именно. Ты знаешь, какое там чудовище на этот раз?

— То большое и волосатое, с вофемью...

Сюзен снова подняла палец.

— ...с *восемью* лапами, — поправилась Твила.

— Что, опять? Уфф, ну ладно.

Сюзен выбралась из постели и накинула халат, стараясь сохранять спокойствие под внимательным взглядом девочки. «Итак, они возвращаются». Нет, ее беспокоило не чудовище в погребе — это-то было делом обычным. Но, кажется, она снова начинала вспоминать будущее.

Она тряхнула головой. Сколько ни убегай от себя, рано или поздно все равно догонишь.

С чудовищами, по крайней мере, все обстояло просто. Она давно поняла, как с ними разбираться. Прихватив стоявшую возле камина в детской кочегру, Сюзен вышла на черную лестницу и начала спускаться. Твила следовала за ней по пятам.

У Гетров были гости: со стороны столовой доносились приглушенные голоса.

САНТА-ХРЯКУС

Как раз в тот момент, когда она крадучись проходила мимо, дверь распахнулась, пролив наружу луч желтого света, и чей-то голос произнес:

— Клянусь богами, тут какая-то девчонка в ночной рубашке — и с *кочергой!*

Свет заслонили темные силуэты, и Сьюзен различила озабоченное лицо госпожи Гетр.

— Сьюзен? Э-мм... Что вы там делаете?

Та взглянула на кочергу, потом снова посмотрела на свою хозяйку.

— Твила сказала, что боится чудовища в погребке, госпожа Гетр.

— И ты хочешь побить его кочергой, э? — спросил один из гостей.

Из комнаты могуче тянуло бренди и сигарным дымом.

— Да, — просто ответила Сьюзен.

— Это Сьюзен, наша гувернантка, — пояснила госпожа Гетр. — Э-мм...

Я вам про нее рассказывала.

Выражение лиц, выглядывавших в дверной проем, изменилось. Теперь на них читалось нечто вроде уважительного любопытства.

— Она прогоняет чудовищ кочергой? — спросил кто-то.

— Вообще-то чертовски неплохая мысль, — отозвался другой. — Малышка забрала себе в голову, что в погребе прячется чудовище, так? Ты берешь кочергу, залезаешь туда и принимаешься греметь так, чтобы она слышала, потом вылезает — и дело в шляпе! Отличная мысль, девочка! Очень разумно! *Очень* современно!

— Ты ведь так и собиралась сделать, Сюзен? — с беспокойством спросила госпожа Гетр.

— Да, госпожа Гетр, — послушно ответила Сюзен.

— Клянусь Ио, я хочу на это посмотреть! Не каждый день видишь, как девчонка побеждает чудовище, — произнес человек, стоявший позади нее.

В шуршании шелка и облаке сигарного дыма обедающие высыпали в коридор. Сюзен снова вздохнула и принялась спускаться в погреб. Твила благоразумно осталась сидеть на верхней ступеньке, обняв руками колени.

Дверь погреба открылась и закрылась.

Последовало короткое затишье, а затем — душе-раздирающий вопль. Одной из женщин стало дурно, один из мужчин уронил сигару.

— Не волнуйтесь, все будет в порядке, — спокойно проговорила Твила. — Она всегда побеждает. Ничего страшного.

Из погреба донеслись глухие удары, какое-то бряканье, затем стрекотание и наконец — бульканье.

Сюзен открыла дверь. В ее руке была кочерга, согнутая под прямым углом.

Раздались нервные аплодисменты.

САНТА-ХРЯКУС

— Замечательно! — проговорил гость. — Очень психологично! И какая отличная идея — так согнуть кочергу! Ты ведь больше не боишься, а, малышка?

— Нет, — ответила Твила.

— *Очень* психологично!

— Сьюзен говорит: «Не бойся, а злись», — сказала Твила.

— Э-мм, спасибо, Сьюзен, — пробормотала госпожа Гетр, трепеща, словно букетик цветов на сильном ветру. — И, э-мм, сэр Джоффри, если вы не против, может быть, теперь мы все же вернемся в кабинет... в смысле, в гостиную...

Гости двинулись обратно по коридору. Последним, что услышала Сьюзен перед тем, как за ними закрылась дверь, было «Чертовски убедительно! Как ей только в голову пришло так согнуть кочергу...»

Она подождала еще немного.

— Твила, взгляни, они все ушли?

— Да, Сьюзен.

— Вот и хорошо.

Сьюзен спустилась в погреб и появилась оттуда, волоча за собой что-то крупное и волосатое, с восемью ногами. С трудом втащив тело чудовища вверх по ступенькам, она проволокла его по другому коридору и выпихнула на задний дворик. Она знала, что к утру от него не останется и следа.

— Вот как мы поступаем с чудовищами! — удовлетворенно выдохнула она.

Твила опасливо наблюдала за ней.

— А теперь, дорогая моя, марш в постель! — сказала Сьюзен, поднимая ее на ноги.

— Можно я возьму кочергу на ночь к себе в комнату?

— Ну хорошо.

Терри Пратчетт

— Она ведь убивает только чудовищ, правда? — сонно спросила девочка, когда Сьюзен несла ее на руках вверх по лестнице.

— Совершенно верно, — подтвердила Сьюзен. — Всех, какие есть.

Она уложила девочку в кровать рядом с братом и прислонила кочергу к игрушечному серванту.

Кочерга была дешевая, из плохого металла, с медной шишкой на конце. Сьюзен подумала, что много бы отдала, чтобы взять эту кочергу и как следует отделать ею гувернантку, которая была у детей прежде.

— Спокойной ночи...

— Спокойной ночи.

Она вернулась в свою маленькую спальню и снова улеглась в постель, настороженно поглядывая на штору.

Как было бы хорошо решить, что все это ей привиделось! И как это было бы глупо... Однако она уже два года была почти нормальной: жила в реальном мире, нашла себе дело, ни разу не вспоминала будущее...

Может быть, ей действительно все это приснилось? (Однако даже сны могут быть реальны...)

Она старалась не обращать внимания на длинный потек воска, свидетельствовавший о том, что пламя свечи, пускай всего на несколько секунд, но легло набок под сильным порывом ветра.

Пока Сьюзен пыталась заснуть, лорд Низз сидел в своем кабинете, разбирая ворох накопившихся бумаг.

САНТА-ХРЯКУС

Лорд Низз был наемным убийцей — или, точнее, Наемным Убийцей. Прописные буквы здесь необходимы. Она проводит границу между всякой швалью, презренными людишками, которые убивают других людей за деньги, — и джентльменами, с которыми периодически консультируются другие джентльмены, желающие, за разумное вознаграждение, удалить из сахарной ваты своей жизни неприятные острые предметы.

Члены Гильдии Убийц смотрели на себя как на утонченных, воспитанных людей, любящих хорошую музыку, пищу и литературу. Людей, которые знают цену жизни — зачастую с точностью до пенни.

Кабинет лорда Низза был обшит дубовыми панелями и устлан коврами. Мебель была очень старой и довольно потрепанной — но потрепанность подобного рода возникает лишь тогда, когда очень хорошей мебелью аккуратно пользуются на протяжении нескольких столетий. Правильнее было бы назвать эту мебель *выдержанной*.

В камине пылали бревна. Перед огнем спала пара собак, сплетясь друг с другом, как принято у больших лохматых псов.

Время от времени одна из собак всхрапывала или в камине с треском оседало бревно; помимо этого были слышны только скрип пера лорда Низза и тиканье больших напольных часов у двери... тихие, интимные звуки, которые лишь подчеркивали царящую в комнате тишину.

По крайней мере, так было до тех пор, пока кто-то не откашлялся.

Звук совершенно явственно предполагал, что целью этого упражнения было вовсе не избавиться от застрявшей в горле крошки, но всего лишь наиучти-

